

© 1990 г.

М. Э. Коган

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЭТНОДИСПЕРСНОЙ ГРУППЫ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ (на примере Ленинграда)

Этнические процессы, происходящие в этнодисперсных группах городского населения, имеют свою специфику по сравнению с процессами, протекающими у этих же народов в городах их основного этнического ареала. Этим определяется потребность исследования общих и национально-особенных черт образа жизни и культуры людей, оторвавшихся от своей исконной этнической территории, их национальных потребностей и установок. Необходимость таких исследований диктуется также резко возросшей активностью национальных движений в нашей стране, в том числе и среди групп нерусского населения Ленинграда.

Исследование татар, армян и эстонцев, постоянно проживающих в Ленинграде, предпринятое Институтом этнографии АН СССР в конце 70-х — начале 80-х годов¹, включало широкий круг вопросов, направленных на выявление национальных культурных ориентаций и установок, сформировавшихся у представителей этнодисперсных групп в процессе их адаптации в многонациональном городе. В отличие от известных этносоциологических исследований, проведенных во многих регионах нашей страны, в ходе которых изучались группы коренного и основного (или одного из основных) по численности, чаще всего русского, населения², в данном случае в качестве объекта были выбраны группы, отличающиеся как от коренного населения — русских, так и друг от друга этнокультурной спецификой, языковой и конфессиональной принадлежностью.

В этнодисперсных группах сталкиваются две противоположные тенденции — к ассимиляции и к сохранению национального самосознания. Соотношение этих тенденций зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, исторического, культурного характера, которые в существенной мере детерминируют национальные ориентации членов этнодисперсной группы. Тенденция к ассимиляции обуславливается оторванностью от этнического ядра и, таким образом, основных источников этнокультурной информации, что может способствовать утрате национального языка, интереса к культурной жизни своего народа, связи с ним. В то же время значительная часть представителей этнодисперсных групп активно интересуется историей и культурой своего народа.

В ходе исследования татар, армян и эстонцев Ленинграда нами были выделены три типа этнокультурных ориентаций (ЭКО). 1. Ориентация на русские и интернациональные образцы духовной и материальной культуры при постепенной утрате знаний в сфере своей национальной культуры и интереса к ней. Назовем такую ориентацию условно «ассимиляционной»³. 2. Ориентация на потребление достижений как национальной, так и общесоветской и мировой культуры; назовем ее «интернациональной». 3. Ориентация преимущественно на национальное, главным образом, на традиционно-этническое в куль-

туре, т. е. ориентация на сугубо доминирующие «этнические ценности», или «узконациональная»⁴.

Этнокультурные ориентации могут быть выявлены различными методами: с помощью латентно-структурного и факторного анализов, методом построения «графов» связей между признаками, тестированием, с помощью экспертных оценок или «вопросов-индикаторов»⁵. Последний можно отнести к методам экспресс-анализа этнической ситуации. Он и был применен в данном исследовании. Суть его заключается в выделении из обширного круга показателей, связанных с национальными установками респондентов, такого, который позволил бы с высокой степенью достоверности судить об этнокультурных ориентациях личности в целом. На это направлен был вопрос анкеты, в соответствии с которым респондентам предлагалось назвать любого отечественного, зарубежного и своего национального писателя. Выбор такого показателя был обусловлен следующими причинами: во-первых, полнотой ответов на вопрос анкеты (от 86 до 93% ответивших). Во-вторых, тем, что он является косвенным показателем активности в таком распространенном, «демократичном» виде культурного досуга, как чтение, где возможность проявления национальных ориентаций и интересов лишь незначительно детерминирована внешними по отношению к личности обстоятельствами (как, например, знание национального языка, во многом зависящее от наличия по месту жительства соответствующих школ). И в-третьих, самое главное, тем, что характер ответов на этот вопрос анкеты позволяет выделить упомянутые выше типы этнокультурных ориентаций. Так, часть представителей этнодисперсных групп называла какого-либо отечественного и (или) зарубежного писателя и не могла упомянуть ни одного писателя своей национальности (хотя реальное знакомство с его творчеством не являлось условием ответа). В то же время среди татар и армян оказалась небольшая группа респондентов, которые назвали только своего национального писателя. Поскольку трудно поверить, чтобы житель Ленинграда не знал имен Пушкина, Лермонтова и Толстого, то такой выбор позволяет говорить о «демонстративно-национальном» поведении опрошенного. Специальный анализ показал, что характер ответов на вопрос о писателях не является случайным. Он полностью согласуется с национальными установками в других сферах профессиональной и традиционной этнической культуры, межличностном общении, языковом поведении⁶.

В изученных нами этнодисперсных группах Ленинграда представлены различные варианты этнической адаптации в иноэтнической среде. Ленинградские татары в большой мере сохраняют национальное своеобразие в быту и культуре. Большинство из них (62%) сочетает ценности своей национальной культуры с достижениями культуры других народов, с положительными ориентациями на межнациональное как дружеское, так и семейное общение. Ориентация сугубо на «этнические ценности» выражена минимально (6,5% респондентов). В это число входят люди, предпочитающие в основном внутриэтническое общение и мононациональные браки, сохраняющие традиционно-обрядовый и бытовой слой своей национальной культуры. Почти треть опрошенных ленинградских татар проявила в основном «ассимиляционную» этнокультурную ориентацию. В этой группе вдвое меньше, чем среди остальных опрошенных, респондентов, интересующихся различными аспектами профессиональной и традиционной культуры татар, в 1,5—2 раза чаще наблюдаются межнациональные браки и, главное, более 70% состоящих в таких браках татар хотят, чтобы их дети выбрали не татарскую, а русскую (или другую) национальность.

Типологически сходные варианты адаптации представлены в армянской этнодисперсной группе. Армяне несколько реже, чем татары, обнаруживали «ассимиляционную» этнокультурную ориентацию (в среднем каждый четвертый опрошенный). Для подавляющего большинства их (2/3 опрошенных) характерно сочетание национального и интернационального в образе жизни. Однако в отличие от татар, у которых национальное самосознание в равной

мере проявляется как в сохранении традиционно-обрядового слоя своей культуры, так и в интересе к профессиональным ее формам, у армян национальное самосознание в большей мере реализуется в интересе к литературе, хорошему знанию истории, искусства, науки, деятелей культуры своего народа. Среди ленинградских армян 2,5% проявили также ориентацию на «этнические ценности» в культуре.

Отличный от татар и армян вариант этнокультурной адаптации в иноэтнической среде представлен в группе ленинградских эстонцев. Здесь была особенно ярко выражена ассимиляционная тенденция (около 60% опрошенных). Ориентацию на сочетание национального и интернационального в культуре проявили 40% ленинградских эстонцев. У них значительно меньше, чем у армян и тем более у татар, сохранился традиционно-бытовой слой национальной культуры и национальное самосознание проявляется главным образом в интересе к профессиональной эстонской национальной культуре и частично в сфере языкового поведения.

Этнокультурные ориентации людей складываются под воздействием многих факторов, они определяются и социально-демографическими характеристиками самой личности, и условиями ее социализации, социально-национальной макросредой (город — деревня, «своя» — «иноэтническая») и микросредой (семья, друзья), в которой человек вырос, языком, на котором он учился в школе, сроком проживания в иноэтнической среде и многими другими⁷.

Уровень образования личности, ее социально-профессиональный статус, возраст представляют комплекс тесно взаимосвязанных факторов (уровень связи по коэффициенту Чупрова между этими параметрами выше 0,200). Это неудивительно, так как образование в значительной мере определяет социально-профессиональное положение личности, в то же время у молодых людей уровень образования в основном выше, чем у пожилых (т. е. обратная связь с возрастом). Ориентация на традиционно-этническое культурное потребление у татар и армян главным образом присуща пожилым, низкообразованным и малопродвинувшимся в социально-профессиональном плане респондентам. Процесс их вторичной социализации происходил не позднее 30-х годов, т. е. до периода развертывания интенсивной индустриализации и урбанизации страны, которые в значительной степени способствовали разрушению многих традиционных устоев, норм образа жизни. С повышением уровня образования, как правило, растут интернациональные ориентации в культурном потреблении. Интерес к общесоветским и зарубежным достижениям культуры в сочетании с общей «ассимиляционной» ориентацией характерен в основном для молодых людей со средним образованием, а в этнокультурных ориентациях интеллигенции превалирует сочетание интернационального и национального⁸. В некоторых образовательных группах оказались отчетливо выраженными одновременно две этнокультурные ориентации (с превалированием одной из них или их равновесием). Такие группы можно охарактеризовать (и обозначить) как переходные (табл. 1).

Как видим, у татар и армян, в равной мере сохранивших национальное своеобразие в образе жизни, уровень образования фактически одинаково влияет на изменение этнокультурных ориентаций. Так, у респондентов, с образованием до 6 классов «узконациональная» ориентация встречается чаще, чем у остальных опрошенных. Повышение уровня образования ведет к расширению кругозора, к отрицанию на первом этапе различных форм традиционной этнической культуры и к усилению установки на массовый интернационализированный поток культурной информации (с общей «ассимиляционной» ориентацией). Дальнейшее повышение уровня образования у представителей всех этнодисперсных групп приводит к качественно новому этапу: растет активный интерес к национальному культурному достоянию в области как профессиональной, так и традиционной культуры. На этом этапе происходит не отрицание, а переосмысление традиции, осознание ее как ценности, без которой нет культуры.

Распределение ЭКО в зависимости от уровня образования *

Народы	Образование					
	до 6 классов	7—9 классов	10—11 классов	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее
татары	Э	Э—А	А	А—И	И	И
армяне	Э	Э—А	А—И	А	И	И
эстонцы	А	А	И	А—И	А—И	И

* В таблице показано в каких образовательных группах данная этнокультурная ориентация (или одновременно две) проявились чаще, чем в среднем в этнодисперсной группе; соответственно: А — «ассимиляционная», И — «интернациональная», Э — ориентация сугубо на «этнические ценности» («узконациональная»).

Отсюда и стремление сохранить отдельные элементы этнической культуры, которые часто воспринимаются как символы национальной идентификации.

Особое положение национальной интеллигенции (в частности, гуманитарной), являющейся, как правило, одним из основных проводников достижений мировой общечеловеческой культуры и одновременно создателем национальной профессиональной культуры, определяет, вероятно, и ее заинтересованность в сохранении и развитии духовного достояния своего народа. В иноэтническом окружении при относительной ограниченности источников национальной культурной информации вряд ли можно говорить о столь же полном сохранении и функционировании всех компонентов культуры данного народа, как, например, в пределах его основного этнического ареала. В такой ситуации, вероятно, сохраняются в первую очередь те характеристики национальной культуры, которые воспринимаются членами этнической общности как наиболее существенные.

У малообразованных людей старшего поколения национальное в образе жизни основывается главным образом на традициях, привитых в детстве в процессе социализации: нормах, стереотипах поведения, определяющих и их национальные установки в культуре. Однако «стереотипы культуры формируют не только экстериторные, но и интериорные стороны человеческой деятельности... задают людям не только определенные образчики действий, но и стандарты их убеждений...»⁹ В связи с этим можно предполагать, что у интеллигенции скорее именно национальные установки в культуре определяют реальное поведение¹⁰.

Так, например, национальный язык воспринимается представителями всех этнодисперсных групп как один из важнейших элементов этнической культуры. В то же время значимым фактором, определяющим отношение к родному языку, является образование, повышение которого связано с высоким уровнем владения русским языком, не только разговорным, но и письменным, активным использованием его в профессиональной деятельности. А реальная практика в значительной мере определяет и отношение к русскому языку, частоту признания его родным. Так, в татарской и армянской группах интеллигенция чаще остальных социальных групп называет родным языком русский. Несколько иная ситуация наблюдается у эстонцев: у них интеллигенция наоборот, чаще, чем лица со средним образованием (хотя и реже имеющих начальное), признает родным эстонский язык. Тут следует иметь в виду, что малограмотные люди, как правило, пожилые: многие из них приехали в Ленинград из сел и городов Эстонии или из эстонских поселений Ленинградской обл., где учились в начальных эстонских школах. Для них отношение к эстонскому языку как родному связано с реальным уровнем владения им. Для интеллигенции же это скорее форма проявления национального самосознания.

Представление о национальном языке как одном из важнейших этноинтегри-

Зависимость между возрастом и этнокультурными ориентациями (ЭКО) у татар Ленинграда

ЭКО	Возраст,					
	16—25	26—35	36—45	46—55	56—65	более 65
«Ассимиляционная»	+	+	—	—	—	—
«Интернациональная»	—	+	+	+	—	—
«Узконациональная»	—	—	—	—	+	+

Примечание. «+» означает, что в отмеченной возрастной группе данная ЭКО выражена сильнее, чем в среднем по массиву опрошенных.

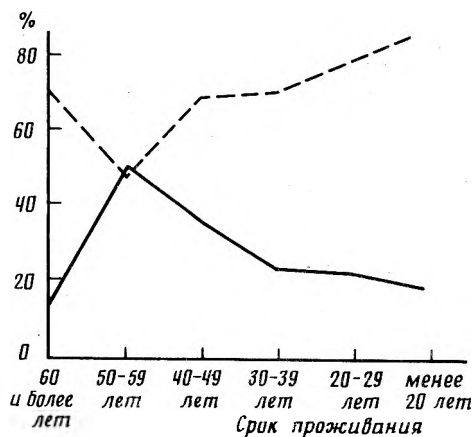
рующих факторов, вероятно, относится к наиболее устойчивым этнокультурным стереотипам. Наиболее полно, как нам кажется, это проявляется в отношении респондентов к знанию национального языка их детьми. Для малообразованных (в основном пожилых) представителей всех исследуемых нами национальностей именно реальный уровень владения разговорным национальным языком определяет и частоту признания его родным, и положительное отношение респондентов к знанию языка их детьми. Среди интеллигенции желающих, чтобы их дети знали свой национальный язык, оказалось в 1,5—2 раза больше тех, кто считает его родным, что безусловно отражает определенную национальную установку. Представители всех этнодисперсных групп к числу важнейших этноинтегрирующих факторов относят также традиционную культуру, обряды, обычаи своего народа. Но если малообразованные пожилые люди родильный, свадебный и особенно похоронный обряды совершали, как правило, полностью (по их самооценке), то интеллигенция — только частично. То же можно сказать и по поводу национальной кухни. Пожилые малообразованные представители татарской и армянской этнодисперсной групп если готовят различные национальные блюда, то регулярно (т. е. не реже одного раза в две недели), а в семьях интеллигенции — в основном по праздникам — по случаю прихода гостей. Таким образом, то, что для первых — норма, стереотип поведения, для вторых — способ этнически маркировать праздничную ситуацию.

Уровень образования, как мы уже отмечали, тесно связан с возрастными характеристиками: неграмотные и малограмотные — в основном пожилые люди, лица с высшим образованием (основная часть интеллигенции) сосредоточены в средних возрастных когортах (25—55 лет), а большинство молодежи (16—25 лет) имеет образование не ниже десяти классов. Это определяет и зависимость этнокультурных ориентаций от возраста опрошенных, особенно выразительно проявившуюся в татарской этнодисперсной группе (табл. 2).

Например, «узконациональная» ориентация более всего характерна для пожилых (старше 55 лет) и соответственно менее образованных респондентов — как татар, так и армян. А вот ориентация на сочетание национального и интернационального в культуре — для средних возрастных категорий: у татар 26—55 лет, у эстонцев 36—45 лет, а у армян — для всех респондентов моложе 45 лет¹¹.

Представители интеллигенции, которая, как мы видели, является наиболее ярким выразителем этой тенденции, заканчивают образование в большинстве своем к 25 годам. В этом же возрасте в основном завершается формирование ценностных ориентаций и установок личности, в том числе и этнокультурных. Поэтому не случайно в группе татар возрастной интервал 26—35 лет — переходный между «интернациональной» и «ассимиляционной» этнокультурными ориентациями.

Молодые люди в большей мере, чем опрошенные старших возрастных групп, ориентированы на современные отечественные и зарубежные образцы культуры, а в оценке различных аспектов традиционной этнической культуры обычно

Изменения этнокультурных ориентаций армянской этнодисперсной группы в зависимости от срока проживания в Ленинграде.
 — — — интернациональная этнокультурная ориентация; ——— ассимиляционная этнокультурная ориентация. По данным обследования 1982 г., группа мигрантов 60-х годов (10—19 лет проживания в Ленинграде) недостаточно представительна, поэтому она объединена с группой мигрантов 70-х годов

руководствуются не столько личным опытом, сколько нормами поведения, пропагандируемыми обществом как прогрессивные. Думается, именно поэтому среди опрошенных татар и эстонцев молодые люди 16—25 лет и в меньшей степени — 26—35 лет чаще других проявили «ассимиляционную» ориентацию. Однако здесь, конечно, сказываются и условия социализации личности. Большинство опрошенных молодых татар и эстонцев — уроженцы Ленинграда, тогда как среди армян того же возраста большая часть — недавние мигранты из Армении или других районов Кавказа, приехавшие в Ленинград из своей этнической среды, где сохранены их национальная культура и язык. Поэтому среди армянской молодежи преобладает ориентация на сочетание интернационального и национального в культуре. У них она выражена сильнее, чем у некоторых представителей старшего поколения армянской этнодисперсной группы, уже много лет живущих в Ленинграде.

Вообще у недавно приехавших в Ленинград татар, армян и эстонцев «интернациональная» ориентация выражена сильнее, чем в этнодисперсных группах в целом. Особенно заметно изменение соотношения этнокультурных ориентаций в зависимости от срока проживания в Ленинграде у армянских мигрантов (см. рисунок).

Итак, в группе армян, проживших в Ленинграде 50—59 лет, наблюдается равновесие этнокультурных ориентаций, в то время как у тех, кто живет здесь более 60 лет, «ассимиляционная» ориентация выражена минимально. Очевидно, такое различие связано не столько с влиянием срока проживания, сколько с теми существенными историческими и социальными изменениями в стране, которые разделяют эти два поколения мигрантов. Большинство армян, живущих в Ленинграде более 60 лет, относятся к дореволюционной волне миграции, поскольку известно, что в период гражданской войны (в 1918—1920 гг.) из Петрограда в основном уезжали, а не приезжали. Неудивительно, что они в значительной степени сохранили национальную специфику в культуре, образе жизни. Следующее поколение мигрантов — те, кто приехал сюда в 1923—1932 гг., т. е. в период коренных социальных и политических изменений в стране, которые не могли не отразиться на их ценностных, культурных, национальных ориентациях.

Весь комплекс социальных условий, в которых протекает социализация личности, играет важную роль в формировании ее этнокультурных ориентаций.

Влияние на ЭКО среды этнизации, %

ЭКО	Место рождения					
	«своя» республика или этническая среда			иноэтническая среда (в том числе уроженцы Ленинграда)		
	татары	армяне	эстонцы	татары	армяне	эстонцы
«Ассимиляционная»	19,1	17,0	41,7	35,4	38,9	73,4
«Интернациональная»	73,5	78,4	58,3	59,7	61,2	26,6
«Узконациональная»	7,4	4,5	—	4,9	0	—

Таблица 4

Зависимость ЭКО от языка обучения в школе, %

ЭКО	Татары		Армяне		Эстонцы	
	татар. яз.	рус. яз.	арм. яз.	рус. яз.	эст. яз.	рус. яз.
«Ассимиляционная»	22,1	35,9	4,8	35,7	27,3	68,9
«Интернациональная»	66,7	59,6	85,7	64,3	72,7	31,1
«Узконациональная»	11,3	4,5	9,5	0	—	—

Так, уроженцы Ленинграда всех исследуемых нами национальностей в среднем в 1,5 раза чаще мигрантов проявляют «ассимиляционную» ориентацию. Вообще этническое окружение, этническая специфика макросреды, в которой человек вырос, является, конечно, одним из важнейших факторов, определяющих его этнокультурные ориентации (табл. 3). Естественно, что человек, выросший в «своей» республике, имел больше возможностей овладеть культурой своего народа, чем тот, кто вырос в многонациональной среде, преимущественно среди людей других национальностей. Все опрошенные, переехавшие в Ленинград из «своей» республики или этнической зоны, проявили в несколько раз больший интерес к различным источникам национальной культурной информации, чем уроженцы Ленинграда или мигранты из иноэтнической среды. Например, следят за гастролями своих национальных театров и артистов, стараются обязательно посетить их выступления 42,7% татар, 65,8% армян и 37,5% эстонцев, приехавших из «своей» республики, тогда как среди родившихся в Ленинграде — соответственно 25,2; 17,9 и 4,1%.

В целом же лица, приехавшие в Ленинград из «своих» республик или этнических зон, в 1,5—2 раза реже бывают ориентированы на ассимиляцию, чем мигранты из иноэтнической среды или уроженцы Ленинграда, и, наоборот, гораздо чаще последних проявляют «интернациональную» и, главное, «узконациональную» (у татар и армян) ориентации. Так, среди татар ориентированы преимущественно на ценности своей национальной культуры 9,3% выходцев из Татарии, 6,8% мигрантов из районов Поволжья и других мест традиционного расселения татар и только 1,6% из числа тех, кто и до переезда в Ленинград жил среди представителей других национальностей. Аналогичная картина наблюдается и у армян: из выросших в многонациональной среде никто не проявил «узконациональную» ориентацию, а среди уроженцев Армении — 7,9%. Многие опрошенные, жившие в детстве в «своей» республике, учились в национальных (хотя бы начальных) школах, что оказало существенное влияние на их этнокультурные ориентации (табл. 4).

Так, связь между этими факторами (этнокультурными ориентациями и обучением в национальной или русской школе) по коэффициенту Чупрова (Т) у татар — 0,168, у армян — 0,304, а у эстонцев — 0,225. Например, татары,

Влияние на ЭКО национального состава родительской семьи, %

ЭКО	Национальный состав семьи					
	татары		армяне		эстонцы	
	мононациональная	национально-смешанная	мононациональная	национально-смешанная	мононациональная	национально-смешанная
«Ассимиляционная»	29,2	43,5	16,7	46,7	53,8	78,8
«Интернациональная»	63,9	56,5	79,4	53,3	46,2	21,2
«Узконациональная»	6,9	0	3,9	0	—	—

учившиеся в национальной школе, в 2,5 раза чаще учившихся в русской проявили «узконациональную» и в 1,6 раза реже «ассимиляционную» ориентацию. Еще резче это различие обозначилось в армянской этнодисперсной группе. Никто из учившихся в русской школе не проявил «узконациональной» ориентации, но по сравнению с учившимися в армянской школе они в 7 раз чаще проявили ориентацию на ассимиляцию. У эстонцев соотношение этнокультурных ориентаций диаметрально противоположно: около 70% тех, кто учился в эстонской школе, проявили «интернациональную» ориентацию, а 70% учившихся в русской школе ориентированы на ассимиляцию.

Столь сильная зависимость этнокультурных ориентаций от обучения в русской или национальной школах обусловлена, по всей видимости, тем, что здесь как в фокусе сконцентрировались несколько факторов, оказывающих однонаправленное влияние на ЭКО, а именно: этническая макросреда социализации, возраст, поскольку чем старше опрошенные, тем большее число их училось в национальных школах (особенно среди татар и эстонцев). Следовательно, действует еще один важный фактор — временной, в котором отражаются изменения, происшедшие в результате национальной политики Советской власти. Для более молодых респондентов в факторе «школа» часто преломляются национальные ориентации их родителей, выбравших в свое время тот или иной язык обучения для своих детей.

Родительская семья — один из важнейших каналов трансмиссии национальной культуры, особенно ее традиционно-бытового слоя. Это микросреда, в которой в основном и происходит первичная социализация и этнизация личности, прививаются как внешние нормы, правила, стереотипы поведения, так в значительной мере и национальные установки. Поэтому большую роль в формировании этнокультурных ориентаций играет этносоциальный состав родительской семьи. Интересно отметить, что «интернациональную» ориентацию проявили, с одной стороны, респонденты, воспитанные родителями с достаточно высоким уровнем образования (полным средним, средним специальным и высшим), а с другой — те, чьи родители были малообразованны (имели не более начального образования). Напомним, что именно малообразованные пожилые татары и армяне чаще других проявляли преимущественно «узконациональную» ориентацию, а их дети уже ориентированы на сочетание национального и интернационального в культуре. Но гораздо сильнее на этнокультурные ориентации опрошенных влияет национальный состав родительской семьи (табл. 5).

Так, респонденты, выросшие в национально-смешанных семьях, в 1,5 раза чаще тех, кто вырос в мононациональных семьях, ориентированы на ассимиляцию, и никто из них не проявил «узконациональной» ориентации.

Татары, армяне и эстонцы, выросшие в мононациональных семьях, естественно, лучше знают язык и культуру своего народа и в большинстве своем ориенти-

рованы на сочетание национального и интернационального в образе жизни. По сравнению с ними респонденты из национально-смешанных семей в 1,5 раза чаще ориентированы на ассимиляцию, лишены «узконациональной» ориентации и чаще выбирают супруга другой национальности. Вступление в мононациональный или гетерогенный брак в иноэтнической среде в значительной мере определяется национальными установками индивида. В свою очередь микросреда, в которой человек живет, семейное окружение, безусловно, оказывают влияние на его поведение, установки в различных областях национальной культуры. Более того, межличностное внутриэтническое общение — один из важнейших каналов передачи национальной культуры в иноэтнической среде. Так, опрошенные, состоящие в мононациональном браке, в 1,5—2 раза реже тех, у кого супруг другой национальности, проявляют «ассимиляционную» ориентацию и, соответственно, лучше других сохраняют национальную специфику в культуре и быте.

Этнокультурные ориентации людей складываются, как мы видели, под воздействием комплекса факторов (от социально-демографических характеристик личности до социально-этнических условий ее социализации). Соотношение культурных ориентаций в свою очередь определяет и основную тенденцию развития малой этнической группы в иноэтнической среде, характеризующуюся либо сохранением национального самосознания большинства ее членов и этнической специфики в культуре и благодаря этому относительным и абсолютным воспроизводством данной этнической общности, либо преобладанием ориентации на ассимиляцию, что соответственно ведет к постепенному сокращению численности представителей данной этнодисперсной группы. Первая тенденция характерна для татарской и армянской, вторая — для эстонской этнодисперсных групп. Ассимиляционная тенденция в группе ленинградских эстонцев выражается в постепенной утрате ими знаний в различных областях национальной культуры (в первую очередь традиционно-бытовой), а также в высокой доле национально-смешанных браков (в основном с русскими), дети от которых в подавляющем большинстве случаев выбирают русскую национальность. Большая выраженность ассимиляционной тенденции в группе ленинградских эстонцев по сравнению с татарами и армянами обусловлена, главным образом, особенностями формирования этой группы в Петербурге-Ленинграде. Подавляющая часть эстонской этнодисперсной группы — уроженцы Ленинграда или мигранты, приехавшие сюда более 50 лет назад. В основном это потомки тех, кто еще во второй половине XIX в. переселился из Эстонии в Россию и уже до переезда в Ленинград жил среди или в окружении русского населения. К тому же культурные контакты с Эстонией после образования там буржуазной республики фактически были прерваны на долгие годы. В Ленинграде были закрыты эстонские школы и церковные приходы, не выходили периодические издания на эстонском языке. Все это не могло не повлиять на этнокультурные процессы в среде ленинградских эстонцев. Как известно, стабильное функционирование культуры требует относительно высокой плотности и интенсивности информационных связей синхронного и диахронного порядка. Недостаток их, «дефицит» информации об этнокультурной жизни своего народа способствует ассимиляционным процессам в этнодисперсной группе.

Несколько иная ситуация сложилась у ленинградских татар и армян, культурные связи которых с республиками не прерывались. Постоянные новые волны миграции; периодические поездки «на родину» (свою или предков), откуда многие привозят книги и пластинки на родных языках, предметы национальной материальной культуры; гастроли в Ленинграде татарских и армянских театров и артистов — все это способствует сохранению и относительно устойчивому функционированию в названных этнодисперсных группах различных элементов национальной культуры. Как показывает исследование, многие представители этнодисперсных групп большого города не утрачивают интереса к национальной культуре и испытывают потребность в этнически

окрашенной информации. С повышением уровня образования и накоплением жизненного опыта эта потребность растет наряду с расширением интернациональных ориентаций в образе жизни. Не случайно в целом «интернациональная» этнокультурная ориентация оказалась наиболее характерной для людей среднего возраста с достаточно высоким уровнем образования и общей культуры. Важно, что у них в отличие от пожилых и малообразованных респондентов сохранение национальной специфики в образе жизни основывается не на нормо-стереотипе повседневного поведения, традициях, привитых с детства, а скорее на соответствующей национальной установке, на уважительном, заинтересованном отношении к историческому и культурному достоянию своего народа.

Потребность в этнокультурной информации при недостаточном удовлетворении ее опосредованными источниками (книгами, театрами, концертами средствами массовой информации) может удовлетворяться за счет внутриаггнетического (родственное и дружеское) общения, а также другими путями (в том числе и конфессиональными), что может способствовать сохранению отдельных консервативных форм национальной культуры. В свете задач оптимального социального управления актуален вопрос об удовлетворении этнокультурных потребностей представителей этнодисперсных групп с помощью широкой продажи книг и газет на национальных языках, пластинок с записями национальной музыки, организации выставок, гастролей, лекций, различных форм обучения национальному языку и других мероприятий, пропагандирующих искусство народов нашей страны. Эту задачу сегодня взяли на себя многочисленные национально-культурные общества, в том числе татарское, студенческое эстонское и армянское, образованные в Ленинграде. В сентябре 1986 г. был создан ансамбль татарской песни и танца, в апреле 1987 г. появился клуб любителей татарской литературы и искусства «Йолдоз»¹², в 1988 г. были организованы курсы татарского и старотатарского языков, а в ноябре 1989 г. Ленгорисполкомом было официально зарегистрировано Общество татарской культуры. Еще раньше, в феврале 1989 г., состоялось торжественное открытие Общества друзей армянской культуры. При нем организованы воскресные курсы армянского языка для детей и взрослых, предполагается создание клуба (с кафе, библиотекой, видеосалоном), который стал бы местом постоянного общения ленинградских армян. Главную свою задачу организаторы общества видят в культурной консолидации армянской этнодисперсной группы.

Можно рассчитывать, что национально-культурные общества помогут представителям своего народа адаптироваться в иноэтнической для них среде Ленинграда и сохранить родной язык, культуру, национальное самосознание.

Примечания

¹ Статья написана по данным опроса ленинградских татар (1977 г.), армян и эстонцев (1982 г.). Исследованием (руководитель Г. В. Старовойтова), в котором участвовал и автор, было охвачено около 1000 человек.

² Результаты этих исследований изложены в многочисленных работах, опубликованных в различных этнографических изданиях. Упомянем наиболее значительные: Изменения в быту культуры городского населения Белоруссии. Минск, 1970; *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1970; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; *Кахк Ю. Ю.* Черты сходства Таллинн, 1974; *Бойко В. И.* Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1977; *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллинн, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. (по материалам Молдавской ССР). М., 1980; Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования населения городов БССР). Минск, 1981; Этносоциальные проблемы развития советского города. М., 1985; Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986. Библиографию см. в кн.: *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. И., Кондратьев В. С., Суськов А. А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 246—254.

³ В данном случае необходимо различать процесс и его результат. Говоря об «ассимиляционной» ориентации, мы подразумеваем определенную направленность поведения в сфере этнической

культуры, т. е. процесс, который в следующем поколении может завершиться ассимиляцией, но может и не привести к ней.

⁴ Надо, конечно, иметь в виду условность понятия «узконациональная ориентация» при широком распространении в настоящее время интернациональных форм духовной культуры, стандартизации, унификации вещной среды, тем более в больших многонациональных городах. Думается, здесь речь может идти об ориентации на сохранение национальной специфики в наиболее существенных, ключевых элементах культуры, которые как бы составляют ее костяк и осознаются членами этнической общности как ее важнейшие этноинтегрирующие элементы (см. об этом: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973. С. 67; *Кузнецов И. М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях // Сов. этнография (далее — СЭ)*. 1983. № 2. С. 86.

⁵ Примеры применения этих методов в этносоциологии см. соответственно в следующих работах: *Сусоколов А. А. Применение латентно-структурного анализа в этносоциологических исследованиях // Некоторые проблемы современной этнографической науки (источниковедение и историография)*. М., 1974; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Указ. раб.* С. 152—164; *Социологические очерки о Советской Эстонии*. С. 89; *Пименов В. В. Указ. раб.; Опыт этносоциологического исследования образа жизни*. С. 232—238; *Филиппов А. Г. Применение экспертных оценок для прогнозирования этнических процессов (вопросы методики исследования на материалах Чувашской АССР) // Этнокультурные процессы. Методы исторического и синхронного изучения*. М., 1982. С. 15—27; *Коган М. Э. Роль этнических ориентаций в культурном потреблении (на материале опроса ленинградских татар) // Там же*. С. 93—111.

⁶ Более подробное обоснование методики см.: *Коган М. Э. Указ. раб.* С. 93—111; *ее же. Этнокультурные ориентации инонационального населения большого города (на материалах исследования татар, армян и эстонцев Ленинграда): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985. С. 94—125. *Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе*. Л., 1987. Гл. V. § 2 (написан в соавторстве с М. Э. Коган).

⁷ См., например: *Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследования в Татарской АССР) // СЭ*. 1971. № 3. С. 3—15; *Белорукова Г. П. Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы) // СЭ*. 1973. № 5. С. 29—39; *Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ*. 1974. № 2. С. 87; *Дробижева Л. М. Сближение культур и межнациональные отношения // СЭ*. 1977. № 6. С. 14; *Сусоколов А. А. Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам отдела ЗАГС Кишинева в послевоенный период) // СЭ*. 1981. № 6. С. 14; *Дробижева Л. М. Межличностные национальные отношения: основные черты и особенности // Социол. исслед.* 1982. № 4. С. 34—40.

⁸ Совершенно идентичные тенденции были выявлены и В. В. Пименовым при обследовании удмуртов (*Пименов В. В. Указ. раб.* С. 68).

⁹ *Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // СЭ*. 1981. № 2. С. 101.

¹⁰ О роли интеллигенции в механизме распространения отдельных элементов традиционной культуры см., например: *Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума*. Ереван, 1978. С. 108.

¹¹ Аналогичные тенденции по возрастным группам были выявлены В. В. Пименовым. См.: *Пименов В. В. Указ. раб.* С. 217.

¹² Подробнее см.: *Коган М. Э. Несколько событий культурной жизни ленинградских татар // Этнография Петербурга-Ленинграда*. Вып. 2. Л., 1988. С. 52—53.

© 1990 г.

В. В. Руднев

ЭТНОМЕТЕОРОЛОГИЯ

(К вопросу изучения традиционных народных знаний)

Среди тем, наиболее часто привлекающих сегодня внимание исследователей, работающих в разных областях науки, заметен особый интерес к изучению познавательной деятельности человека. Познавательная деятельность, по выражению В. И. Вернадского, способствовавшая превращению человечества в «небывалую разумную планетарно-космическую силу»¹, определила и в значительной мере определяет тенденцию развития цивилизации.

Современная наука определяет природу — основной объект внимания чело-